

Андрей Михайлович Егоров,
Россия, Псков, Псковский филиал
Академии ФСИН России, доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин,
кандидат исторических наук, доцент,
полковник внутренней службы

Гражданская война и контрабандизм на северо-западе Советской России в начале 1920-х гг.

Чрезвычайные социальные потрясения, революция, распад Российской империи и тяжелые последствия жестокой гражданской войны негативно отразились на переговорах о территориальном размежевании между молодой Советской Россией и новыми прибалтийскими республиками. Перемещение государственного рубежа на территорию Псковщины неизбежно сопровождалось возникновением традиционных для пограничного региона проблем, одной из которых является контрабандизм. Однако его масштабы на Северо-Западе в начале 1920-х годов прошлого века придали этому явлению острый характер и чрезвычайный политический резонанс.

Указанный период характеризовался тяжелым социально-экономическим положением страны, что серьезно подрывало престиж новой власти в наиболее затронутых разрухой районах. Упадок промышленности и сельского хозяйства в результате первой мировой и гражданской войн, рост цен и безработица, острый товарный дефицит и огромные очереди за элементарными предметами первой необходимости порож-

дали спекуляцию и стимулировали рост преступности. Материальные затруднения населения способствовали развитию «черного рынка» и контрабандной торговли, которая в пограничных районах превращалась в устойчивый криминальный бизнес¹.

Обычным явлением для России первой половины 20-х гг. XX в. являлось так называемое «мешочничество». Ежегодно массы горожан устремлялись в сельскую округу, на Украину и Кубань, в Сибирь и Среднюю Азию. Первоначально большинство из них гнал в дорогу голод и желание выменять на имеющиеся вещи продукты питания. Это движение было хорошо известно и на Северо-Западе России.

Однако здесь это движение не всегда сопровождалось обычным обменом вещей на продукты питания. Многих приезжих привлекала возможность заполучить импортные товары. Их притягивала граница, и местные жители довольно быстро осознали выгодность своего положения. Следует особо учесть, что приграничное население довольно сильно пострадало в результате боевых действий 1918–1920 гг. На

Изборском направлении, например, была выжжена значительная часть деревень. Но уже к 1923 г. здесь выросли фактически новые поселки с домами на каменных фундаментах и хозяйственными постройками из плитняка². Их хозяева даже не отрицали, что средства на строительство зачастую добывались ими благодаря занятию контрабандой.

Подавлению контрабандистского промысла в среде местного населения препятствовали жестокий товарный дефицит, а также отсутствие постоянных источников дохода у крестьян и безработицы горожан. Люди, пытавшиеся выехать в поисках работы в крупные города России, часто возвращались назад ни с чем. Не легче оказалось вести и натуральное хозяйство. Сами пограничники отмечали в своих письмах: «Мужика обчистили как липку... Рыбаки отказываются ехать ловить... Нет ни одежды, ни обуви, а на озере плохо без этого работать». Переписка, изымавшаяся Особым отделом, содержала характерные замечания: «Только дали на два года по фунту соли, да по шесть фунтов керосина. А ситца не дают и давать не думают... Если можно, то поживи, Вася, в Германии»³.

Попытки советских властей создать административные преграды и запретить свободный доступ к пограничному рубежу вызывали порой резкое неприятие местного населения. Установленная в 1920 г. у границы нарушила привычный уклад, в частности, псковской деревни. Вчерашние соседи, родственники неожиданно для себя оказались гражданами разных государств. Естественно, людям трудно было привыкнуть к своему новому статусу, а тем более разорвать уставшиеся традиционные связи. Официальные уверещания оставались малодейственными. В письмах красноармейцев тех лет можно встретить характерные свидетельства по данному поводу: «Настроение крестьян очень плохое, если что скажешь им, то чуть в глаза не плюют, так что, когда и политруки приходят, то нисколько не слушают, так что и жизнь плохая»⁴.

Жесткие административные методы воздействия, вроде круговой поруки или отселения наиболее злостных нарушителей режима из пограничной полосы, давали порой нежелательный для властей побочный эффект. «В деревне крестьяне очень скверные ... По деревне идешь – закрывают двери», – такими и подобными им вы-

ражениями пестрели письма красноармейцев, дислоцировавшихся в пограничных районах⁵. Массовый контрабандизм являлся своеобразным барометром, который чутко реагировал на экономическое положение населения. В связи с этим начальник Псковского ОГПУ Невернов еще в середине 1920-х гг. считал, что окончательно закрыть границу на замок и ликвидировать промысловый контрабандизм можно лишь при условии развития производства и снижения цен на товары внутри страны⁶.

Контрабандные операции осуществлялись с широким размахом на всем протяжении северо-западной границы, начиная от Мурманского края и заканчивая прибалтийским участком. На Севере контрабанда перемещалась командами и владельцами русских парусных судов, иностранными моряками, кочующими племенами самоедов и лопарей⁷. Но ее ассортимент здесь был достаточно ограничен, а объем относительно невелик. Зато южнее контрабандизм приобретал все более организованные формы и значительные масштабы. Порой в него вовлекались ответственные должностные лица. В качестве канала нелегального товарообмена ими активно использовался железнодорожный транспорт. Себежская администрация, например, намеренно отправляла в Латвию бракованный подвижной состав. За границей такие вагоны не принимались, опечатывались и перегонялись обратно. По существовавшим правилам отбракованный состав не проходил специального таможенного досмотра. Поэтому перед отправкой назад в него закладывался контрабандный груз⁸. Разумеется, совершать подобные манипуляции можно было только по предварительному сговору с зарубежными коллегами.

Однако контрабандизм первой половины 1920-х гг. представлял собой угрозу не только экономическим интересам страны. Зачастую он был тесно связан с преступлениями против порядка государственного управления и прямо нарушал основы пограничного режима на Северо-Западе.

Достаточно опасные группировки контрабандистов, занимавшихся переправкой в Россию нелегального спирта, базировались на южном побережье Финского залива. Особенно дерзко они действовали в Сойкинской, Кирновской и других волостях Кингисеппского уезда. По свидетель-

ствам очевидцев, с деревьев на берегу залива местные контрабандисты подавали условные сигналы в направлении Финляндии или Эстонии, после чего в советские территориальные воды входили быстроходные иностранные катера. Приближаясь к берегу, они обстреливали пограничные посты и выбрасывали в воду порой сотни бидонов со спиртом⁹. Окрестные жители вылавливали их, прятали в лесах, а затем составляли целые караваны и под усиленной охраной отправляли в тыл. При этом задержанные контрабандисты были так уверены в силе своих организаций, что очень редко соглашались выдавать сообщников.

Наиболее привлекательными для контрабандистов были пограничные районы, приближенные к крупным потребительским центрам – прежде всего к Петрограду и Москве. Поэтому идеальным коридором для транзита контрабанды на северо-западе страны оказалась почти равноудаленная от обеих столиц Псковская губерния. По сведениям ОГПУ, в данный промысел была вовлечена значительная часть населения Псковского, Островского, Опочецкого и Себежского уездов¹⁰.

В этот период отчетливо проявилась тенденция к профессионализации псковских контрабандистов. Контрабандисты-одиночки, пытавшиеся таким образом удовлетворить свои личные потребительские запросы, довольно быстро трансформировались в «промысловиков», зачастую объединяясь в устойчивые преступные группы. Они работали по найму, получая за доставку контрабандного товара от 10 до 25 % его стоимости – в зависимости от объема партии, расстояния ее доставки и степени участия отдельных сообщников¹¹. Существовали и сплоченные команды, которые не только ходили за границу, но и доставляли товар к месту сбыта в крупные города России, где самостоятельно его реализовывали.

Первоначально эффективной борьбе с профессиональными контрабандистами препятствовали вооруженность и хорошая организованность последних. Для нейтрализации действий пограничной охраны контрабандисты устраивали всевозможные системы сигнализации, наблюдательные пункты и даже засады¹². Малочисленные дозоры красноармейцев не всегда могли совладать с такими сообществами.

Порой контрабандисты курсировали в районе границы совершенно открыто. Начальник таможенного поста № 27 на острове Талабск (Залита) в Псковском озере, например, отмечал зимой движение по льду на участке его ответственности целых обозов в несколько саней, сопровождаемых вооруженными людьми¹³.

Контрабандный промысел на Псковщине оказался очень рентабельным. Поэтому переход государственной границы носил массовый характер. Особенно заметно это было на псковско-эстонском рубеже, обозначенном проволочными заграждениями шириной в три кола. Вся колючая проволока здесь, начиная от стыка с латвийской границей и вплоть до Псковского озера, была увешена клочьями льна, оставшимися при протаскивании его местными жителями через заграждения¹⁴. Проведенная Псковским губернским отделом ГПУ весной 1923 г. проверка констатировала, что граница фактически открыта как для контрабандизма, так и для шпионажа¹⁵.

Аналогичная ситуация в данный период сложилась и в районе Псковско-Чудского водоема. В период навигации контрабандистские рейсы здесь осуществлялись в основном силами местных рыбаков, которые прятали товар в прибрежных камышах. Зимой на лед выходили жители более удаленных от границы волостей и уездов. Иногда появлялись «представители» соседних губерний. Наиболее частыми гостями такого рода являлись выходцы из Лужского уезда Петроградской губернии.

Чаще всего маршрут контрабандистов лежал между устьем реки Великой и Талабскими островами. Сборными пунктами для них на восточном берегу Псковского озера служили деревни Абиж, Жидилов Бор, Черново, Ершово¹⁶. На побережье Псковско-Чудского озера в пределах Гдовского таможенного участка контрабандисты двигались, как правило, через деревни Рудница, Самолва, Мтешь, Теребище, Балсово и Немолва, а затем переправлялись на эстонский берег через узкий пролив, именуемый Теплым озером. Севернее Гдова они концентрировались в районе деревень Писковицы, Локоть, Орел¹⁷.

От побережья Псковского озера контрабанду доставляли к железнодорожным станциям или шоссейным дорогам на линии Псков – Петроград или Псков – Бологое. От Чудского озера она шла в направлении Кингисеппа (бывшего Ямбурга)¹⁸.

Активность контрабандистов поощрялись прибалтийскими правительствами, за которыми стояли влиятельные деловые и политические круги западных стран, прежде всего Великобритании. В январе 1920 г. на Верховном Совете союзников английский премьер-министр Ллойд Джордж заявил, что страны Антанты готовы торговать с русским народом, но не с советским государством¹⁹. Это же самое он повторил в феврале на заседании парламента, предлагая «спасти» Россию с помощью торговли – раз не удалось «восстановить» ее силой. Предлагаемая торговля должна была способствовать стихийному установлению рыночных отношений и стимулировать вовлеченных в них социальных групп советской власти. Объясняя эту идею, заведующий отделом Североевропейским отделом МИД Великобритании Д. Грегори высказывал надежду, что таким образом удастся подорвать «экстремистские формы» большевизма изнутри²⁰. Данная миссия возлагалась на филиалы западных фирм в Прибалтике.

В начале 1920-х гг. контрабандная торговля на время была легализована Эстонией и Латвией посредством учреждения так называемых «транзитных лавок», которые располагались буквально в нескольких шагах от пограничного рубежа и функционировали по колониальному принципу: т.е. промышленные товары менялись в них на сырье по весу. Будучи лично заинтересованными в прозрачности границы, лавочники часто организовывали провокации и являлись подстрекателями неоднократных обстрелов воинских нарядов местными контрабандистами.

Сложная социально-экономическая и политическая обстановка на северо-западной границе, особенно на ее псковском участке, создавала благоприятные условия для активной деятельности различных антисоветских элементов. Сказывалась и близость Прибалтики, являвшейся частью так называемого «санитарного кордона». Политикам Запада она мыслилась в качестве барьера, препятствующего распространению коммунистических идей. Но особенно беспокоило Москву то обстоятельство, что на территории Эстонии и Латвии образовались русские контрреволюционные и оппозиционные центры, обладавшие связью с населением по другую сторону северо-западной границы. В их составе было достаточно много выходцев из Псковской

губернии. Люди, ушедшие оттуда в Прибалтику с белыми и оставшиеся после гражданской войны на Псковщине, иногда были связаны родственными узами, являлись хорошими знакомыми, соседями, подчас с детства знавшими друг друга. Время от времени они обменивались информацией посредством писем, а иногда и личных встреч – легче всего это удавалось делать рыбакам на Псковско-Чудском озере²¹.

Подобные контакты не могли не оказывать определенного влияния на политические умонастроения Псковского края. В пограничных уездах циркулировали слухи о непрочности советской власти, о близкой войне, о походе английской эскадры на Кронштадт, об отделении Украины и т.п. Сводки ОГПУ с тревогой отмечали упорно повторяемый слух о том, что скорая война свергнет советскую власть. Нехватка хлеба объяснялась его отправкой за рубеж для подкупа соседних государств с целью предотвратить вооруженное свержение ими большевистского правительства. В ряде мест слышалось восхваление порядков соседних буржуазных стран. Особый упор при этом делался на дешевизне товаров²².

Одним из источников антисоветских слухов являлись лица из числа ушедших в Прибалтику, которые иногда тайно наведывались в родные края. Ночные гости из-за кордона не всегда ограничивались только устной агитацией, но и она воспринималась советскими властями чрезвычайно болезненно.

Особую опасность представляли диверсионные группы, действовавшие по заданию так называемого «Союза защиты родины и свободы», во главе которых стоял эсер Савинков. В период с 1921 по 1924 гг. в одной Псковской губернии они осуществили целую череду актов саботажа, которые сковывали работу советских и партийных ячеек. Ставка на привлечение для борьбы с нарушителями демобилизованных красноармейцев иногда не срабатывала. Позволим себе всего одну цитату из письма демобилизующегося пограничника: «Ты пишешь, чтобы я привез наган, нам ведь не так просто взять. Надо тогда записаться в партию – тогда и дадут, а в партию записываться страшно...»²³. В Великолукском, Холмском, Псковском и Порховском уездах савинковцы пользовались поддержкой некоторых кругов местных крестьян. Периодически они появлялись в районе Новоржева, Опочки и пр.

Борьбу с различного рода нарушителями границы серьезно затрудняло отсутствие развитой пограничной инфраструктуры. Пограничные кордоны располагались далеко друг от друга. Связь часто нарушалась или вовсе отсутствовала. Государственный рубеж был слабо обозначен на местности. Планомерная расчистка пограничной полосы шириной в 150 саженей начала проводиться лишь с 1925 г. Военнослужащие были расквартированы по крестьянским избам и в силу материальной необеспеченности иногда попадали под влияние хозяев.

Сводки Особого отдела, изучавшего настроения пограничников, пестрели выдержками из их писем типа: «У нас солдаты ходят и просят милостыню...»; «десятый день живем подаянием от хозяина, а своего нет»; «видно, что забыли наши товарищи, что мы защитники пролетариата»; «...голодно. Надоела эта проклятая служба»; «...пришлите мне чего-нибудь съестного, а то погибель своей жизни. Если это продолжится долго, то я убегу дезертиром в Москву работать, как работал раньше»²⁴.

Впрочем, встречались и другие письма: «Жить весело. Если пропустишь спекулянта, он тебе даст и соли, и свинины, и мяса...» Некоторые военнослужащие открыто признавались в том, что разжились на границе продуктами, одеждой, сапогами и т.п. Но уже в пяти верстах от нее витали совершенно иные настроения: «На позиции можно хоть пограбить, а в тылу плохо. Наверное, пропадем как мухи от голода и холода»²⁵. Как следствие – страдала дисциплина пограничников. Иногда отмечались случаи дезертирства или самовольного ухода дозорных с постов. Пользуясь редкой цепью погранохраны или попустительством с ее стороны, нарушители почти открыто пересекали границу даже в дневное время.

Тем не менее, система пограничного контроля постепенно совершенствовалась. Некоторое время охрана государственной границы осуществлялась строевыми частями Красной Армии. Но уже в середине 1923 г. формируются подразделения пограничной охраны губернских представителей ГПУ. А в 1924 г. эти органы и войска объединяются в единый аппарат погранохраны ОГПУ.

Данная реорганизация положительно сказалась на укреплении пограничного режима. В

Псковской губернии первые пограничные городки начали закладываться в 1923 г. Однако еще в 1926 г. на 37 застав и 8 комендатур Себежского, Островского и Псковского погранотрядов приходилось всего 17 готовых к эксплуатации зданий²⁶. В условиях подобной неустроенности закрыть границу без содействия со стороны гражданского населения было довольно сложно.

К середине 1920-х гг. по инициативе государства все настойчивее начали предприниматься шаги для налаживания доброжелательных отношений между местным населением и пограничными властями. В июле 1925 г. при Политбюро ЦК ВКП(б) под председательством М.И. Калинина прошло заседание специальной комиссии, на котором было принято принципиальное решение о необходимости интенсивного социально-экономического развития приграничных районов страны. Контролировать выполнение поставленной задачи на Северо-Западе России, Украине и в Белоруссии было поручено Я.В. Полуянову. В интересующем нас регионе соответствующую работу координировало Северо-Западное областное бюро ЦК ВКП(б).

Для детального обследования пограничных районов при нем была создана специальная комиссия в составе: Русанова, Москвина, Мессинга, Струппе (секретарь Псковского губкома), Ярвисало, Саакова и Кондратьева²⁷. Вопросы борьбы с контрабандой и бандитизмом в этой комиссии курировал начальник полномочного представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе С.А. Мессинг.

К началу августа 1925 г. губернские комитеты партии, в том числе и псковский, обязаны были передать туда перечень неотложных мероприятий по улучшению хозяйственного и культурного состояния пограничных уездов. Среди указанных мер особое внимание первоначально отводилось оказанию семенной и продовольственной помощи гражданскому населению, снижению его налогобложения, увеличению средств райсоюзов всех видов кооперации, стимулировании мелкой торговли, интенсивному казарменному и дорожному строительству в приграничной полосе, а также развертыванию там сети просветительских учреждений.

Согласно ПП ОГПУ в ЛВО № 173 и последовавшему за ним распоряжению Псковского губернского отдела ОГПУ № 261 начальники по-

гранотрядов были обязаны не только вести разъяснительную работу среди местных крестьян, но и оказывать им посильную материальную помощь. С этой целью осенью 1925 г. в пограничных уездах была развернута агитационная кампания под лозунгом: «Погранохрана лицом к деревне»²⁸.

В целом социальная поддержка гражданского населения положительно сказывалась на его участии в охране государственной границы. Уже летом 1926 г. Псковский губернский отдел ОГПУ с удовлетворением отмечал, что 20–25 % задержаний нарушителей пограничного режима производилось при гласном содействии местных жителей. Еще больший процент задержанных должно было давать негласное сотрудничество.

Однако подобные доверительные отношения складывались все же не повсеместно. Согласно информации сотрудников ОГПУ за шестнадцатикилометровой приграничной полосой продолжали процветать «вера во вздорные слухи» и «сокрытие от органов власти преступного элемента». Не изменилось и отношение многих крестьян к контрабандизму. Человек, отозвав-

шийся отрицательно о контрабандистах, терял в их среде всякое доверие. Его автоматически причисляли к «агентам», «сыщикам», «тайникам» и «вредили при всяком удобном случае»²⁹. Такое различие в настроениях населения официальные лица объясняли нехваткой ресурсов для устройства «полной советской общественности» за пределами пограничной полосы³⁰.

Действительно, в силу ограниченности средств на местах, усиленное снабжение пограничных районов хлебом, промышленными товарами, строительным лесом и многими другими материалами шло за счет урезания запросов внутренних районов Псковского края. Сюда же направлялась большая часть безвозмездных кредитов и других финансовых льгот. Административно-хозяйственная поддержка такого рода, конечно, не была рассчитана на быструю социальную регенерацию приграничных уездов в целом. Не случайно после переноса государственной границы далеко на запад и перехода Псковского края в разряд «тылового», они сами надолго превратились в неперспективную глубинку.

¹ Иванов В.А. Хозяйственно-экономическая ситуация на Северо-Западе России во второй половине 20-х годов: проблемы борьбы с контрабандой // Ученые записки Санкт-Петербургского им. В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. № 1 (1), 1996. С. 62.

² ГАНИПО. Ф.1. Оп. 1. Д. 304. Л. 66.

³ Там же. Д. 213. Л. 20.

⁴ Там же. Л. 9.

⁵ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 304. Л. 9-22.

⁶ ЦГА СПб. Ф. 198. Оп. 6. Д. 121. Л. 57.

⁷ Там же. Д. 38. Л. 71.

⁸ Там же. Л. 62.

⁹ Там же. Л. 71.

¹⁰ Там же. Д. 101. Л. 34.

¹¹ ЦГА СПб. Ф. 198. Оп. 6. Д. 101. Л. 35.

¹² Там же. Л. 33.

¹³ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 304. Л. 67.

¹⁴ Там же. Л. 65.

¹⁵ Там же. Л. 45.

¹⁶ Там же. Л. 67.

¹⁷ ГАПО. Ф. Р1125. Оп. 1. Д. 2. Л. 43.

¹⁸ ЦГА СПб. Ф. 198. Оп. 6. Д. 101. Л. 33.

- ¹⁹ Почс К.Я. «Санитарный кордон» : прибалтийский регион и Польша в антисоветских планах английского и французского империализма (1921-1929 гг.). Рига, 1985. С. 34.
- ²⁰ Там же. С. 37.
- ²¹ ГАПО. Ф. 590. Оп. 2. Д. 228. Л. 11.
- ²² ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 213. Л. 322.
- ²³ Там же. Л. 21.
- ²⁴ Там же. Л. 22.
- ²⁵ Там же. Д. 304. Л. 45.
- ²⁶ ГАПО. Ф. 590. Оп. 1. Д. 213. Л. 88.
- ²⁷ См. Чистиков А.Н. Партийно-государственная бюрократия северо-запада Советской России 1920-х годов. СПб., 2007. С. 43.
- ²⁸ ГАНИПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 394. Л. 470.
- ²⁹ ЦГА СПб. Ф. 198. Оп. 6. Д. 121. Л. 57.
- ³⁰ Там же.